

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ И ПОРАЖЕНИЯ НИКОЛАЯ I (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ)

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена внешней политике Николая I, тем успехам и поражениям, которые сопровождали российского императора на протяжении его царствования. Основное внимание обращено на освещение внешнеполитической деятельности монарха иностранными свидетелями, присутствовавшими в российской столице в 30–40-х гг. XIX в. – дипломатами, иностранными путешественниками, представителями царствующих дворов Европы, а также ближним окружением российского императора – придворными, представителями русских аристократических родов.

Как правило, все внешнеполитические инициативы Николая I оценивались иностранными политиками на основании мнений, которые были выражены непосредственными свидетелями или участниками внешнеполитических акций российского императора. Окружение императора не только отслеживало все внешнеполитические инициативы Николая I, но и давало им самостоятельную оценку – иногда явно предвзятую, а зачастую и профессионально верную. В центре внимания как дипломатических представителей европейских держав в Петербурге, так и ближайших сподвижников российского императора оказались такие значительные события истории России как русско-турецкая война 1828-1829 гг., прорыв России в Восточном вопросе в ходе Босфорской экспедиции русского флота в 1833 г., русско-французские разногласия 1830 и 1848 гг., союзнические отношения «северных дворов» и рост антагонизма внутри этого союза.

Николай I имел притязания выступать арбитром в оценке событий внешней и внутренней политики европейских стран. Своё мнение он считал непогрешимым, его было сложно переубедить. Такая жёсткая позиция, основанная на верности принципам монархизма и консерватизма, снискала российскому императору печальную славу «жандарма Европы»; она же послужила основанием считать его оплотом верности принципам, принятым на Венском конгрессе 1815 г. и позже – Священным союзом. Воспоминания и записки иностранцев, посетивших Россию в николаевское время, служат ценным источником, позволяющим составить общую картину царствования российского императора, считавшего решение внешнеполитических проблем не только России, но и Европы в целом своей собственной прерогативой.

Ключевые слова: внешняя политика России, Николай I, международные отношения, воспоминания иностранцев, европейские революции, Восточный вопрос.

УДК 94, 327

Поступила в редакцию 20.06.2017 г.

Принята к публикации 1.08.2017 г.

В своих «Мемуарах» глава французского кабинета М. Гизо, давая весьма нелицеприятную характеристику российскому императору Николаю I, всё же был вынужден признать, что «его царствование отличалось энергиею во внутренних и блеском во внешних делах»¹. Правда, французский премьер тут же опускает заданную планку своей оценки, замечая, что Николаю I благоприятствовала судьба, ибо он всего лишь «воспользовался блистательными успехами своего брата», и, вступив на престол, «нашёл Россию возвеличенной, а Европу спокойной» [21, с. 97].

Подобная двойственность характеристики российского самодержца была продолжена в многочисленных исторических трудах и воспоминаниях современников: Николай I предстаёт и как «Николай Палкин», и как «самодержавный Дон Кихот», «рыцарь» на троне. Современная историография склонна делать акцент на особенностях классового подхода к изучению исторического процесса, в результате чего Николай I, как и другие российские самодержцы, стали жертвами «расколотого исторического сознания» общества, на которое оказали влияние стереотипы, созданные в рамках непримиримых идеологических традиций [4, с. 127].

Образ императора складывался под впечатлением ряда знаковых событий, связанных со временем его царствования: разгром декабристов, «жандармская» миссия в революционной Европе, проигранная Крымская война – иначе, говоря словами А. Герцена, «с пятью виселицами, с каторжной работой, белым ремнём и голубым Бенкендорфом» [14, с. 128–129]. Однако из механического соединения отдельных характеристик, разбросанных по мемуарам соратников и историческим сочинениям, нельзя составить целостной картины ни личностных качеств, ни взглядов российского императора. Только прослеживая становление и развитие мировоззрения великого князя, а затем самодержца всероссийского, можно попытаться воссоздать портрет Николая I, неожиданно представляемого современными исследователями в качестве образца государственного лидера.

Николай I рассматривал свою императорскую миссию как высочайшее призвание и относился к этому с великой ответственностью. «Я взираю на целую жизнь человека, как на службу, ибо всякий из нас служит, – говорил Николай I. – Я буду отправлять свою службу до самой смерти» [15, с. 376]. Принципы протестантской этики, рассматривающие жизнь как служение, в данном случае не противоречили православным устоям, которых строго придерживался российский император, снискав характеристику самого «национального» изо всех российских монархов [15, с. XIII]. От самого себя и от своих подчинённых Николай I требовал безусловного исполнения долга. Можно сказать, что в какой-то степени на все вопросы государственной деятельности император невольно (или сознательно?) переносил порядок воинской службы, которой был привержен всю свою жизнь.

¹ Гизо об императоре Николае Павловиче и его отношениях к королю Людовику Филиппу // Русский архив. 1880. № 1. С. 482.

Сам принцип самодержавной власти предполагал замыкание всех функций государственной машины на одном человеке – венценосном самодержце, что вело, с одной стороны, к крайней перегрузке Николая I, вынужденного руководить страной «в ручном режиме», а с другой – к многочисленным просчётам и упущениям, связанным с невозможностью идеального исполнения такого руководства. Приходится лишь удивляться, насколько порой мелкими и частными делами одолевали Николая I его министры, приходя на еженедельный доклад: император был в курсе малейших происшествий в армии, к которой относился с особым вниманием, от него зависели даже самые незначительные продвижения по службе в министерствах и зарубежных представительствах России.

Современники отмечали необыкновенную работоспособность императора. Его рабочий день начинался очень рано. Уже в 7 часов он сидел за бумагами, а в 9 приходили министры, каждый из тринадцати членов кабинета в свой день. По воспоминаниям современников, Николай требовал, прежде всего, неуклонного исполнения собственных распоряжений; при этом жесточайший контроль полностью подавлял самостоятельность министерского корпуса. При таких условиях нечего было и ожидать каких-либо выдающихся деятелей на министерских постах [20, с. 471]. Личные качества наложили ощутимый отпечаток на всю деятельность Николая I. Приближённых удивляла простота и бесхитростность его характера, нетребовательность в быту, готовность переносить трудности походной жизни в многочисленных поездках по стране. Баронесса М.П. Фредерикс, фрейлина императрицы Александры Фёдоровны, вспоминала, что Николай был строг, прежде всего, к самому себе, вёл жизнь воздержанную, за столом ел мало и большей частью овощи, ничего не пил, кроме воды («разве иногда рюмку вина»), никогда не курил. Спал император на походной раскладной кровати, дома вместо халата носил старую шинель² и не любил нового платья³. «Я искренен, – говорил Николай I о себе, – говорю, что думаю, и держу данное слово» [15, с. 22]. В кругу семьи император – любящий и нежный отец, внимательный, добрый и простой в бытовом обхождении. Для всех остальных он – олицетворение «классической» императорской власти, грозный, строгий и справедливый. Княгиня Д.Х. Ливен – супруга российского посла в Лондоне А.Х. Ливена, «дипломатическая Сивилла» своего времени, чей острый ум и влияние были известны всей Европе – отмечала, что мало встречала людей, одарённых таким логическим и практическим умом, каким обладал Николай⁴. Однако, всё это характеристики друзей, приближённых, «домашних людей» императорской семьи, которые субъективно оценивают Николая I. Говоря о предвзятости подобных характеристик, уместно вспомнить мемуары Бетси Балькомб – дочери английского финансового агента на о. Св. Елены в бытность там в ссылке

² Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1. С.70–74.

³ Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. Извлечение из его воспоминаний // Русская старина. 1902. № 7. С. 221.

⁴ Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка с разными лицами. Подготовил В.В. Тимошук // Русская старина. 1903. № 9. С. 702.

Наполеона Бонапарта. Для девочки, игравшей с Наполеоном, он предстал человеком «большой доброты, тёплых чувств и надёжной привязанности»⁵.

Во многом именно благодаря идеализации личности императора его приближёнными, этот образ императора-рыцаря стал расхожим клише для характеристики Николая I как недостижимого авторитета для всех последующих членов романовской династии. Подобная характеристика связана, на наш взгляд, как с личными качествами характера императора, так и с той блестящей эпохой развития русской литературы, изобразительного искусства и общественной жизни, на которую выпали годы его царствования.

Светская жизнь николаевского Петербурга ничем не отличалась от светской жизни самых блестящих европейских столиц, а порой и превосходила её по роскоши и размаху празднеств. Время от русско-турецкой войны 1828–1829 гг. до начала Крымской войны «было едва ли не самой блестящей эпохой светской петербургской жизни», по свидетельству графа В.А. Сологуба⁶. В 30-х гг. петербургский свет был «настоящим большим светом». Русская знать «держалась сановито», чуждалась «проходимцев и торгашей», сохраняла некоторую независимость от двора. Ещё недавно, при Александре I, сановники с ностальгией вспоминали двор Екатерины II «времен Очакова и покоренья Крыма». И вот при Николае I блеск придворной жизни и петербургского общества возобновляется с новой силой. Этому, безусловно, способствовало то место в европейской иерархии и то значение, которое заняла Россия после воцарения Николая I в кругу европейских держав.

«При жизни Николая Павловича Россия высоко стояла. Он умел сохранить обаяние, которое она имела до него, и своим рыцарским, твёрдым, неустрашимым характером прибавил ей ещё большую славу», – этот лейтмотив прослеживается во многих оценках николаевской эпохи⁷. Во внутренней политике николаевская эпоха – это время ширококомасштабных преобразований, во внешней – время утверждения России в качестве одной из ведущих держав Европы.

Решение вопросов внешней политики было безусловной прерогативой императора. Заслуживают внимания слова Ф.Ф. Мартенса о том, что Николай I «был единственным руководителем русской политики, не поддававшимся никаким посторонним влияниям» [15, с. XII]. Император сам выстроил подобную схему принятия внешнеполитических решений. Его ближайшие советники могли высказать своё мнение, он обсуждал вопросы внешней политики с вице-канцлером К.В. Нессельроде, с немногими друзьями – А.Ф. Орловым, А.Х. Бенкендорфом, И.Ф. Паскевичем, но решение принимал всегда сам. По мнению современников, Николай I занял в Европе место Наполеона, и его прерогативой стало право диктовать законы европейским союзникам. Супруг английской королевы Виктории принц Альберт писал: «В настоящее время император

⁵ Napoleon à Saint-Helène. Souvenirs de Betsy Balcombe avec une introduction par L.Graslier. Paris. 1898. P. 34.

⁶ Воспоминания графа В.А. Сологуба // Исторический вестник. 1886. № 6. С. 552; № 4. С. 79.

⁷ Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс.

Николай полновластный властелин Европы»⁸. «Он суров и строг, верен точным началам долга, – писала о своих впечатлениях королева Виктория королю Леопольду 23 мая (4 июня) 1844г., – изменить которым не заставит его ничего на свете. Я не считаю его очень умным, ум его не обработан... Политика и военное дело – единственные предметы, внушающие ему большой интерес» [16, с. 610]. В данной характеристике интересно упоминание о качествах характера императора – упорстве и чувстве ответственности, о которых говорят все мемуаристы. Эти качества были настолько развиты у Николая I, что дали повод упрекать его в доктринёрстве и отсутствии гибкости. Стремление следовать во всём принятым принципам, по мнению некоторых исследователей, вело к попытке «гнуть жизнь под свои формулы» и не способствовало достижению безусловного успеха [2, с. 6]. От наблюдательности королевы Виктории не укрылся также интерес Николая к внешнеполитическим делам – в глазах европейских монархов и глав правительств русский император оставался, прежде всего, ведущим европейским политиком, «вершителем судеб».

Черты характера «домашнего» Николая I его приближённые были склонны переносить и на его государственную деятельность. Военный министр граф А.И. Чернышёв писал Нейгарту в Берлин о благородстве, честности и прямоте, которые присутствуют в «политических сношениях» императора с иностранными дворами⁹. Можно согласиться с тем, что дипломатической хитрости, разного рода уловкам и сложной игре на политической сцене Николай I был чужд. Он пытался прямо заявить о своих намерениях, что не всегда выглядело уместно и часто превратно истолковывалось его политическими партнёрами, заставляя видеть в его действиях «второе дно», и как результат, «никто не вызывал таких симпатий, такой злобы и ненависти, как император Николай I»¹⁰.

С каким же багажом внешнеполитических принципов пришёл Николай I к власти и что он мог предложить в качестве инструментов для урегулирования международных отношений и европейских конфликтов своего времени? Каким образом он добивался успеха и где его поджидали неудачи и поражения?

Николай I занял российский престол в разгар Восточного кризиса и должен был, прежде всего, заняться греческой проблемой. Восточный вопрос был тем делом, которое, по словам самого императора, ему завещал его брат. О смене монархов в России австрийский канцлер К. Меттерних выразился образно и иносказательно: «Роман окончен – начинается история»¹¹. Эти слова передала своему брату княгиня Ливен из Лондона. Истолковать их можно как признание окончением того времени, когда международные отношения в Европе строились на принципах «романтической» политики Александра I, прописан-

⁸ Россия и Германия в XIX веке // Русская старина. 1898. № 8. С. 258.

⁹ А. Чернышёв Нейгарту, 14(25) мая 1832 г. Цит. по: Император Николай Павлович и его время // Русская старина. 1884. №1. С. 148.

¹⁰ Граф Рейзет в России. С. 220.

¹¹ Д.Х. Ливен А.Х. Бенкендорфу, 19 ноября (1 декабря) 1828 г. Цит. по: Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка с разными лицами. 1903. № 5.

ных в статьях Священного союза. Меттерних называл этот документ «пустым звуком», предполагая начать новую эру европейской политики, основанной на принципах «баланса сил» и «европейского равновесия». А «уравновешивать» европейские весы австрийский канцлер умел как никто другой.

Восточный кризис 20-х гг. XIX в. ясно обнажил противоречия европейских держав на Ближнем Востоке и в европейской Турции. В конечном счёте, как считали в Берлине, задача состояла в том, чтобы предотвратить нарушение политического равновесия в Европе, которое может произойти не столько в результате падения Османской империи, сколько в результате усиления могущества России [17, с. 24]. Именно это и было квинтэссенцией пресловутого Восточного вопроса. Безусловно, разрешение затянувшегося кризиса военным путём весьма встревожило западные державы. Победа объединённого флота Англии, Франции и России при Наварине не только не обрадовала, но обескуражила западные правительства. По словам Д.Х. Ливен, английский кабинет был «напуган», французский – «недоволен», а Австрия – «взбешена и взволнована»¹². Англичане откровенно боялись, что Россия в одиночку извлечёт выгоды из победы над Турцией, поэтому открыто провозгласили Османскую империю своей союзницей, с которой никогда не стали бы воевать «из-за чувств» к грекам. Глава Сент-Джеймского кабинета лорд Абердин в частной беседе с Д.Х. Ливен признавался, что англичане почитают себя обманутыми Россией после заключения Адрианопольского мирного договора: «нас оскорбили, над нами подшутили, нас унизили»¹³. России не могли простить не просто победу, а победу без участия западных держав, лишённых возможности диктовать султану свои условия мирного договора. Кабинет герцога Веллингтона занял открыто враждебную позицию по отношению к российскому правительству, и лишь завершение русско-персидской войны в 1828 г. несколько успокоило Сент-Джеймский кабинет, в котором серьёзно опасались, что русские войска дойдут до Индии¹⁴.

Итак, Адрианопольский мир, заключённый в результате побед русской армии на Балканах и на Кавказе, принёс российскому правительству очевидные преимущества. Престиж России на Балканах – в получивших автономию Дунайских княжествах, Сербии и Греции (с 1830 г. независимой) – многократно вырос. Кроме того, Россия прочно утвердилась на всём побережье Чёрного моря: на береговой линии от Анапы до Поти строились и размещались русские гарнизоны. Турция полностью зависела от воли победительницы, её ресурсы были истощены, и вскоре в Петербург отправилось турецкое посольство во главе с Галил-пашой, целью которого было склонить российское правительство к сокращению суммы наложенной на Порту контрибуции. Победа в русско-турецкой войне упрочила влияние России в Османской империи и среди православного населения Балкан, но и обострила подозрения европейских держав

¹² Д.Х. Ливен А.Х. Бенкендорфу. 4 (16) ноября 1827 г. // Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка... 1903. №5. С. 428.

¹³ Д.Х. Ливен лорду Грею. 4(16) октября 1829 г. // Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка... 1903. № 6.

¹⁴ Д.Х. Ливен А.Х. Бенкендорфу. 16 (28) марта 1828 г. // Д.Х. Ливен и её переписка... 1903. № 5.

в её стремлении укрепиться на балканских территориях в случае возможного распада европейской Турции. Каким образом произойдёт этот распад – не уточнялось, на западе подозревали, что Россия сумеет воспользоваться плодами своей победы и ускорит смерть «больного человека». Нельзя отрицать того, что в Петербурге действительно рассматривали подобный сценарий развития событий, но пришли к заключению о его невыгодности для российской политики. Другое дело, если бы Османская империя распалась «вследствие внутренних причин», а не в результате внешнего вмешательства – вот тогда перед Россией простиралось поле невиданных ранее возможностей. Так или иначе, Адрианопольский мир помог Николаю I утвердиться в европейском мнении в качестве могущественного покровителя многомиллионного православного населения Балкан и опасного соперника в стратегически важном регионе Ближнего Востока.

Туркманчайский (1828) и Адрианопольский (1829) мирные договоры, а затем и заключение Ункяр-Искелесийского соглашения 1833 г. – всё это были шаги постепенного укрепления позиций России на Балканах, в Закавказье, на Чёрном море и в районе Проливов. Именно эти внешнеполитические успехи позволили России занять ведущее положение в составе «европейского концерта», но они же составили предмет зависти со стороны союзников, заставив европейскую дипломатию направить свои усилия на скорейшую дезавуацию русско-турецких соглашений. По мнению русского историка М. Полиевктова, именно эти международные акты стали объектом дипломатической борьбы между Россией и европейскими державами, которая обострилась в 30-х и 40-х гг. XIX в. и в начале 50-х гг. привела к военному противостоянию держав [12, с. 96].

Начало 30-х гг. ознаменовалось целым рядом европейских революций, своего негативного отношения к которым российский монарх никогда не скрывал. «В одном я никогда не состарюсь, в борьбе с революцией, которая всем теперь залезла в голову, – говорил Николай I в беседе со Л. Шнейдером. – Пока я жив, она меня не одолеет» [15, с. 313]. И июльский переворот во Франции, и польское восстание, и бельгийская революция 1830 г. вызвали крайне негативную оценку Николая I. Прежде всего, российский император всегда чувствовал себя защитником «принципов 1815 года», вся его внешняя политика была основана на системе Священного союза, о котором Николай I вспоминал каждый раз, когда «гидра революции» давала о себе знать. Безусловно, российскому императору была близка монархическая форма правления, защищать которую он был готов с оружием в руках. Однако нельзя утверждать, что император обладал настолько косным политическим сознанием, чтобы полностью отвергать что-либо иное. На встрече с маркизом де Кюстином, оставившим известные воспоминания о своём путешествии по России (которые были названы Тютчевым «умственным бесстыдством» и «духовным растлением»), Николай I говорил: «Мне понятна республика, это способ правления ясный и честный, но мне непонятна монар-

хия представительная. Это способ правления лживый, продажный» [1, с. 284]. В беседе с Д.Н. Блудовым император развил свою мысль, говоря, что конституционное правление предполагает «интригу, искательство у избирателей, лесть и заигрывания депутатов» [1, с. 285].

Начав царствование с подавления восстания декабристов, Николай I на всю жизнь сохранил крайне негативное отношение к радикализму в политике. Однако его ненависть к происходившим в Европе изменениям редко приводила к вмешательству во внутренние дела государств, охваченных революцией, хотя он и демонстрировал свою готовность двинуть войска во Францию и в Бельгию. Все гипотетические предположения о возможном вторжении русских войск в Европу не имели своего продолжения – и даже принятые в 30-х гг. договорённости в Мюнхенгреце и Берлине не привели к русской экспансии. Иногда этому противостояла невозможность содействия со стороны союзников – Пруссии и Австрии, в других случаях – финансовая несостоятельность самой России. Фактом остаётся лишь то, что российский император ничего не предпринял против революций 30-х гг. Главной его заботой было предотвращение «пожара» в собственном доме. «Если нам позволительно присутствовать в качестве простых зрителей при изменениях, происходящих в Западной Европе, – писал Николай I А.О. Дюгамелю, – то мы не можем сохранять ту же чисто наблюдательную позицию по отношению к странам, где мы имеем права, которые должны защищать, и обязанности, которые должны выполнять» [1, с. 288].

Прежде всего, эти заявления касались Польши. Если военный поход во Франции Николай I считал нецелесообразным и писал Чернышёву: «Я не позволю ни одному русскому перейти границу и предоставлю Европу участи, которую она себе готовит» [6, с. 144], а от вмешательства в дела Бельгии императора в значительной степени удержал доклад министра финансов Е.Ф. Канкрин, сообщившего Николаю I о материальных «невозможностях» России, то польские дела означали «пожар» в собственном доме, который следовало спасать незамедлительно. В этом случае выступление против восставших считалось внутренним русским делом, вмешиваться в которое иностранные государства не имели права. Если при известии об июльской революции во Франции Николай I ограничился надеждой на то, что «монархическое начало будет спасено» [18, с. 286], то в случае с Польшей этот же лозунг подразумевал активные действия российского правительства и, прежде всего, отмену дарованной Александром I конституции.

Николай I узнал о начале польского восстания 25 ноября (7 декабря) 1830 г. Чтобы уничтожить «дух крамолы и брожения» российский император вспомнил о целях и задачах к тому времени почти забытого Священного союза. С целью «доказать якобинцам всех стран, что их нисколько не боятся» [18, с. 318], Николай I обратился к союзникам с «программным» выступлением. «Сохраним этот священный огонь неприкосновенным – восклицал император, – и не оскверним безмолвным одобрением незаконных и гнусных действий

держав»¹⁵. Признав Луи Филиппа и факт отделения Бельгии от Нидерландов, правительства Австрии и Пруссии, как казалось российскому императору, уже встали на путь измены высоким принципам легитимизма. Тем более что и в Англии лишь «немного поморщились в первый момент» после произошедших событий в Европе, но и там «пришлось помириться с неизбежностью». Таким образом, лишь один Николай I продемонстрировал верность принятым принципам и обещаниям, отказавшись идти на какой-либо компромисс. Однако единодушие держав было нарушено с началом польских событий – весьма лояльные к революциям в центральной Европе Австрия и Пруссия приветствовали ввод русских войск на польские территории, в то время как Англия и Франция, осудив Россию, встали на сторону восставших.

Известно, что Николай I поляков не любил и не скрывал этого. Конституцию Царства Польского он унаследовал от брата и кое-как мирился с ней, хотя само её существование противоречило монархическим убеждениям императора. Когда вспыхнуло восстание – а оно, по свидетельству современников, не могло не произойти – Николай I обратился к великому князю Константину Павловичу, сомневавшемуся в необходимости военных действий: «Кто из двух должен погибнуть – Россия или Польша? Решайте сами» [12, с. 136]. Ответ был очевиден для всех.

После подавления восстания декабристов, оказавшего фатальное влияние на политические пристрастия российского императора, революционные события 1830 г. лишь упрочили те принципы внешней и внутренней политики Николая I, от которых он не отступился на протяжении всей своей жизни. Он упорно демонстрировал противостояние как республиканско-демократическому, так и конституционно-монархическому принципам правления. Монархическое начало, которому был привержен император, и роль защитника соглашений 1815 г. позволяли ему твёрдо придерживаться выбранных раз и навсегда ориентиров. «Принцип легитимизма, вот что будет руководить мною во всех случаях», – как-то сказал Николай I французскому послу в Петербурге барону Бургоэну, поинтересовавшись новостями «от господина наместника королевства» – так он называл Луи-Филиппа [18, с. 190], упорно отказываясь признавать его легитимным королём и «братом». Со своей стороны, Франция демонстрировала поддержку восставшим полякам – её посол в Петербурге барон де Барант сообщал премьер-министру А. Тьеру о том, что в Царстве Польском идёт настоящая война: «не мятеж был подавлен, но покорена страна»¹⁷. Кремль полон трофеями этой войны, продолжал де Барант, и именно здесь теперь будет храниться «покойница конституция».

¹⁵ Николай I. Исповедь (Maconfession) // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М. 2002. Т. 1. С. 114.

¹⁶ Д.Х. Ливен А.Х. Бенкендорфу. 14 (26) августа 1830 г. // Княгиня Д.Х. Ливен и её переписка. Русская старина. 1903. № 6. С. 683.

¹⁷ Барон де Барант А. Тьеру. 23 августа 1836 г. Из донесений барона Баранта // Русский архив. 1896. № 2. С. 250.

Непримиримость российского императора к революционным преобразованиям во Франции и Бельгии, а также крайне жёсткое подавление польского восстания послужили тому, что в глазах западных либералов Россия приобретала образ восточной деспотии, наиболее отчётливо обрисованный в книге де Кюстина «Россия в 1839 г.» [8]. Это сочинение получило большую известность как в России, так и за рубежом благодаря крайне негативной характеристике всего «русского» – от климата до государственного строя. Популярность книги ещё раз подчёркивает избирательность европейского общества в выборе литературных симпатий: ведь одновременно в Европе были изданы и другие сочинения о России, характеризовавшие страну вполне доброжелательно [9, с. 220].

Не смирившись с произошедшими в Европе изменениями и страшась дальнейшего расширения революционного движения, Николай I предпринял действия, направленные на возрождение Священного союза и превращение его в инструмент противодействия «хаосу». Такому противодействию была подчинена не только внешняя, но и внутренняя политика императора. В частности, своё увлечение армией, манёврами и военными учениями Николай I оправдывал всё той же угрозой «брожения умов». «Государь, желающий сохранить корону, – говорил император, – и уберечься от революционного духа, обязан уделять состоянию армии как можно больше внимания» [9, с. 173]. Но главной линией обороны, по мысли Николая I, должны быть международные гарантии. По инициативе российского императора в начале 30-х гг. был созван целый ряд конференций с участием Австрии и Пруссии: в Мюнхенгреце и Берлине в 1833 г., в Теплице в 1835 г. По мнению некоторых историков [7], эти встречи заменили международные конгрессы 20-х гг. и сыграли столь же негативную роль в решении судебных европейских народов. И в Берлине, и в Теплице рассматривался вопрос о праве на вмешательство во внутренние дела других государств для борьбы с «гидрой революции», а также о подавлении мятежных действий в польских провинциях. Всё это отвечало чаяниям Николая I, хотя ему и пришлось поступиться коренными интересами государства. Так, статьи Мюнхенгрецкой конвенции 1833 г. предполагали учреждение совместного контроля России и Австрии над целостностью Османской империи, что было существенным отступлением России от своих прописанных в ранее заключённых русско-турецких соглашениях прерогатив. Известны слова К.В. Нессельроде, зафиксированные в Отчёте МИД за 1833 г.: «Австрия будет с нами, а не против нас». Однако эти надежды были разбиты Меттернихом, имевшим свой взгляд на заключённые договоры: «Я иду с Россией, потому что она идёт со мной» [15, с. 75, 91].

Воссоздание «охранительного» блока давало лишь иллюзию согласия между тремя «северными» дворами. Политические партнёры России не могли избежать нараставших противоречий внутри Германского союза, где Пруссия претендовала на роль лидера. К тому же не все главы держав «охранительного» блока придавали возрождённому союзу роль столь же значимую, как

российский император. Ф. Генц, правая рука австрийского канцлера, называл Священный союз «политическим нулём»: «Он не имеет никакой существенной цели и никогда не приведёт к серьёзным результатам. Это театральная декорация» [15, с. 7].

Если в начале 30-х гг., предпринимая попытку объединения с целью создания политического союза, Николай I ещё видел некоторую перспективу совместного сотрудничества в дальнейшем, то восточный кризис 1839 г. развеял все иллюзии. Именно с того периода начинается ряд международных неудач и просчётов русской политики. Вопреки предположениям Петербурга, Порта не призвала на помощь свою союзницу по Ункяр-Искелессийскому договору, тем самым отстранив Россию от улаживания очередного турецко-египетского кризиса, после чего российский МИД пришёл к заключению о необходимости дезавуировать соглашение, вызвавшее столь негативную реакцию западных держав. С целью заключения нового договора, который учитывал бы интересы партнёров, в Лондон был отправлен барон Ф.И. Бруннов. С его именем связан целый ряд провалов русской внешней политики в Англии. Первым в этом ряду было заключение Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг. Российский император во что бы то ни стало хотел исключить Францию из числа участников этих международных договорённостей. По воспоминаниям британского посланника в Париже К. Гревилля, сделать это было несложно, поскольку лорд Пальмерстон также был заинтересован в изоляции Франции в качестве «мести» за неудачу в испанских делах¹⁸. Правда, вскоре после этого «наказания» английский премьер счёл возможным привлечь Францию к заключению следующей конвенции, не посчитавшись с мнением России. То, что Николай I считал «невозможным», было, по словам графа Рейзета, помощника посла Франции в Петербурге маркиза де Кастельбажака, лишь «предрассудком»¹⁹.

Лондонские конвенции 3(15) июля 1840 и 1(13) июля 1841 гг. по существу упраздняли условия Ункяр-Искелессийского договора и подразумевали контроль над Турцией со стороны Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России, подтверждая запрет военным судам всех стран входить в Проливы. Нессельроде увидел в конвенциях крупную победу русской дипломатии; ликование вице-канцлера не совсем понятно, поскольку конвенции замещали прежний двусторонний русско-турецкий договор, позволявший России в одностороннем порядке вводить свои суда в Босфор. Великобритания ещё раз продемонстрировала свою всеильность: по мнению лорда Пальмерстона, она достигла нескольких целей: наказала Францию, которая не была приглашена к подписанию первой конвенции, добилась добровольного отречения России от преобладания в Турции и заставила Европу следовать «английской указке» [12, с. 177]. Англия, перехватив у России инициативу в восточных делах, заставила обратить на себя

¹⁸ Молчанов А.Н. Восточный вопрос в 1839-1841 гг. (по воспоминаниям К.Гревилля) // Исторический вестник. 1886. № 5. С. 433.

¹⁹ Граф Рейзет в 1852-1854 гг. С. 706.

внимание императора Николая I, задумавшего новую комбинацию для сохранения позиций России на Ближнем Востоке.

Сопrotивляясь «английской указке», Николай I всё же отдавал себе отчёт в необходимости найти общий язык с перехватившей инициативу в турецких делах Великобританией. Визит российского императора в Лондон в 1844 г. был предпринят с тем, чтобы наметить общую программу «по сохранению Османской империи» и определить общую политику в случае её распада. Инициатива российского императора была с удивлением встречена в английской столице: сначала Россия добровольно отказалась от очевидных преимуществ русско-турецкого договора, а теперь хочет сотрудничать со своей главной соперницей во владениях султана. В результате переговоров, во время которых английская сторона ограничилась вежливыми фразами, никакого соглашения подписано не было. Это не помешало Николаю I по возвращении домой дать Нессельроде поручение подготовить «Меморандум» по восточному вопросу. Этот неофициальный документ российская сторона вручила правительству тори в качестве заявки о намерениях. Уходя со своего поста, лорд Абердин передал этот документ сменившему его лорду Пальмерстону – главе вигов [3, с. 215]. В результате «Меморандум» не оставил никаких следов среди официальных бумаг Сент-Джеймского кабинета, но передавался отдельно каждому новому премьер-министру, возглавившему очередной кабинет. Англичане отказывались признавать его официальный характер. Таким образом, неудачей закончилась попытка налаживания общей политики в турецких делах, ибо, по словам М.Н. Покровского, «Восток был только театром конфликта, главным же антагонистом николаевской России была Англия» [11, с. 5]. Результатом этой неудачной попытки сближения с Англией стал рост подозрений со стороны английского кабинета в планируемой экспансии России на Востоке.

В отечественной историографии уже отмечалось, что Николай I представлял «технику международных отношений» в форме личных контактов между государями [13, с. 310]. По словам немецкого исследователя Шимана, русский император жил в мире «династической мифологии», придавая огромное значение личным, семейным отношениям, зачастую заменяя ими формальные международные обязательства, прописанные в официальных соглашениях. Он придал повышенное значение императорскому «слову», иногда ничего не значившему в мире высокой политики. Именно к таким малозначимым документам относился и словесный договор с лордом Абердином, вылившийся в пустой, но напугавший англичан «Меморандум». Стремление действовать «сообща», пристегнув к собственным целям мнимых или настоящих единомышленников, вело к тому, что Николай I был склонен путать интересы России с общими интересами Европы. Российский император пытался навязать союзникам своё представление о «порядке по-русски», действуя при этом исключительно мирными методами «охранительной» политики [5, с. 295].

Очередное разочарование принесли русскому императору европейские события 1848 г. Известие об отречении Луи-Филиппа крайне встревожило Николая I, но он не мог скрыть своего удовлетворения бесславным концом «высочки»: «Людовик-Филипп теряет свой узурпированный трон тем же путём, каким он достиг его». Но и Луи-Наполеон не получил признания русского императора. Более того, отказ Николая I назвать Наполеона III «братом», по мнению современников, проложил прямой путь к началу Крымской войны [1, с. 295].

В советской историографии было принято называть последний период правления Николая I «мрачным семилетием». В то время, по мнению видных историков, «в полном великолепии и действенности проявилась его роль жандарма Европы» [10, с. 155]. Обвинения в «жандармстве» не сняты с императора до последних дней, в то время как документы свидетельствуют о том, что это был лишь расхожий термин эпохи, означавший желание следовать консервативной, охранительной политике. В частности, «жандармом Европы» называли также и Меттерниха, однако основную тяжесть подобных обвинений принял на себя русский император.

Консерватизм как уважение к традиции политических устоев и обычаев, соответствовавших национальным запросам, лежал в основе всех принципов правления Николая I. Он не принимал не взвешенных, спонтанных решений и считал, что любые перемены должны происходить не «вдруг», а постепенно. Подобные консервативные принципы находили широкую поддержку русского общества. Так, историк и писатель Н.М. Карамзин писал о французской революции: «Лёгкие умы думают, что всё легко; мудрые знают опасность всякой перемены».

В целом следует подчеркнуть, что Николай I пришёл к власти в период становления в Европе новых форм социальной жизни, повлекших за собой буржуазные революции, в период перелома «европейского мира от старого порядка к новым формам организации национальной жизни» [13, с. 276]. Европейские государства были охвачены кризисом абсолютизма, в то время как Россия пыталась сохранить и оградить самодержавие в самых крайних его проявлениях. Эпоха Николая I стала «расцветом самодержавия» в России, а в европейских странах «вопросы политические сменились вопросами социальными», что подразумевало глубинные сдвиги в жизни общества и «наступление новой эры» [5, с. 90]. Полностью противостоять «духу времени» Николай I не мог. Если после июльской революции во Франции русский император распорядился не принимать в Кронштадте кораблей под трёхцветным флагом, то после беседы с французским послом Бургоэном вынужден был снять свой запрет. «Мы уже не истощённая Франция 1814 г., – сказал Бургоэн, – а вы – уже не соединённая Европа 1815 г.» [18, с. 295]. Русский император упорно не хотел признавать очевидные изменения в социально-политической жизни соседних стран, опасаясь распространения «заразы» в собственном государстве.

После 1848 г. Николая I «исключительно занимает восстановление порядка в Европе», как свидетельствует французский посланник в Петербурге маркиз де Кастельбажак²⁰. Мировой порядок, по мнению Николая I, был нарушен, и Россия должна всеми силами способствовать его восстановлению. Однако не любой ценой: «за этих бездельников французов не будет пролито ни одной капли русской крови» – эти слова ясно дают понять, что «седлать коней» при известии о республике во Франции русский император не имел никакого намерения [18, с. 489]. Более того, он советовал французскому послу «сохранять республику» и «беречься империи». Провозглашение Луи-Наполеона императором Наполеоном III было воспринято, по словам французского дипломата Э.А. Тувенеля, как событие, в результате которого шляпа заняла место законной короны [1, с. 295]. Николай I не скрывал, что император французов навсегда останется для него случайным монархом²¹.

Враждебность русского императора к смене режима во Франции и его подозрительность к проявлениям «революции» в любом её виде характеризует следующий случай. Когда на утверждение Николаю I принесли план общественного здания, на котором для масштаба была изображена фигура человека в цилиндре, цветном фраке, жилете и панталонах, он с возмущением зачеркнул фигуру и гневно написал на плане: «Это что за республиканец!» [20, с.64].

Революции в Австрии, Пруссии, Берлине и во Франкфурте-на-Майне совершенно обескуражили российского монарха. «Там, где более не повелевают, а позволяют рассуждать вместо повиновения – там дисциплины более не существует. Отсюда происходит беспорядок», – эти слова написал Николай I в составленной им «Записке о прусских делах»²². Действительно, своим долгом он считал упразднение всякого «беспорядка» и наведение «порядка» так, как он его понимал. Однако, даже получив просьбу австрийского императора об оказании военной помощи против мятежных венгров, Николай I отнюдь не бросился наводить порядок в общем европейском доме. Советник баварского посла в Петербурге Оттон-де-Брэ сообщал о том, что кампания, предпринятая для спасения австрийской монархии, не встретила одобрения даже в тех кругах русского общества, на сочувствие которых император, безусловно, рассчитывал²³. Николай I заявил, что поход в Венгрию необходим для спасения «своей рубахи» – этот лейтмотив оставался постоянным со времени революционных событий 30-х гг. [1, с.289].

Итак, в результате революционных потрясений в Европе 1848 г. одна Россия «устояла на ногах среди повергнутых престолов», и «революционный поток разбился у её ног», – так образно описывалась в прессе роль российской монар-

²⁰ Маркиз Кастельбажак об императоре Николае Павловиче (донесения французского посланника при русском дворе) // Русский архив. 1893. № 7. С. 422.

²¹ Маркиз Кастельбажак... С. 424.

²² Записка императора Николая Павловича о прусских делах. 1848 // Русская старина. 1879. № 6. С. 559.

²³ Император Николай I и его сподвижники (воспоминания Оттона-де-Брэ. 1849–1852) // Русская старина. 1902. № 1. С. 121.

хии, уцелевшей среди «развалин, загрозивших Европу» [10, с. 94]. Николай I в очередной раз снискал славу сильнейшего среди европейских монархов и сравнение с Наполеоном Бонапартом. Барон Стокмар, характеризуя современное международное положение, писал, что новый «Наполеон мира», в отличие от своего знаменитого предшественника, добился диктатуры в Европе не военным, а дипломатическим путём, достигнув «беспримерных» результатов. Одновременно прусский посланник в Константинополе граф Пурталес писал в письме Бунзену 2(14) ноября 1850 г. о том, что «северное влияние» обеспечено не только в Вене, но и в Стокгольме, в Италии, в Греции [15, с. 117].

После революций 1848 г. с политической сцены Европы исчез Меттерних, а с ним и вся его «система». Франция была настроена по отношению к России весьма враждебно, а Великобритания, вопреки надеждам Николая I на союз с ней, возглавила политический «поход» на Россию, которая, оставшись без союзников, вновь обратила взор на православных христиан Османской империи. «Следует объявить, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, – записывает император в своей «записке» от ноября 1853 г. – Мы предлагаем всем присоединиться к нам для достижения этой священной цели» [19, с. 40]. За этой ширмой скрывалась подлинная цель «положить предел недоброжелательству англичан», по признанию самого Николая I. Находившийся в плену собственных политических иллюзий русский император не замечал, что любой успех русской политики на Балканах вызывал в Англии рост того «недоброжелательства», которого глава православного мира стремился избежать. Христианские народы снова становились разменной монетой во внешнеполитических планах России. В то же время надо отдать должное проницательности Николая Павловича, разгадавшего замысел Сент-Джеймского кабинета сыграть «на опережение» и возглавить национальные движения христиан, «освободив» их не только от турок, но и от влияния России. Когда в декабре 1853 г. российский посол в Вене барон П.К. Мейендорф сообщил о намерении четырёх держав требовать от Порты на освобождения её христианских подданных, у Николая I вырвался горестный вздох: «Вот оно, прав ли я?» [19, с. 44]. В этой ситуации император увидел повторение истории с освобождением Греции во время восточного кризиса 20-х гг., когда Англия буквально перехватила инициативу у России и выступила в качестве самостоятельного игрока на политическом поле, давно занятом российской стороной.

Таким образом, фактически променяв условия Ункяр-Искелессийского договора на призрачные выгоды Лондонских конвенций, потеряв лидирующие позиции в регионе Проливов и в Османской империи, продемонстрировав Европе свои ультраконсервативные взгляды на изменения социального и политического характера, произошедшие в европейских странах в 30-х и конце 40-х гг., утратив доверие союзников по договорам «северных дворов» и не приобретя нового в лице Великобритании, Россия осталась в одиночестве перед надвигавшейся угрозой утраты своих позиций на Среднем Востоке – среди православ-

ных подданных Турции, борьба за влияние на которых возобновилась с новой силой. Упрочению России на Востоке, т.е. в Проливах и на Чёрном море, охране державы от революционных веяний Запада, консолидации союзных сил на борьбу с разрушительными началами «духа времени» и сохранению самодержавия было посвящена внешняя политика императора Николая I. Достигалось это путём «замораживания» политической и общественной жизни России, ужесточением цензуры, в том числе и ввозимых книг «пагубного» влияния, неспешным продвижением реформ внутренней жизни, которые, тем не менее, в конечном итоге подготовили существенные перемены в социально-политической жизни общества.

Следует признать, что император Николай Павлович пытался противостоять не просто «беспорядкам», но самому историческому процессу развития общественно-политической жизни. В самом факте русской интервенции в Австрию К.Маркс видел борьбу феодализма с буржуазными преобразованиями. Этот процесс был трезво оценен современниками русского императора. Его ближайший союзник и одновременно «враг-супостат», князь Меттерних, писал Николаю I после своего вынужденного бегства из Вены: «Европа повержена в кризис... это кризис в самом социальном организме»²⁴. Ему вторил верный соратник императора, его «отец-командир» И.Ф. Паскевич: «Мы вступаем в новую эру, – писал он Николаю I в то же самое время, что и австрийский канцлер, – которая требует новой политики»²⁵. Осмысление этих социальных процессов, видимо, представляло определённую трудность для императора, видевшего в европейских переменах лишь попустительство «хаосу» и слабость западных дворов. Осознание того, что «человек не в силах остановить поток», отчётливо пришло к Николаю I лишь в последние, самые тяжёлые дни его жизни.

Список литературы

1. Высокочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб.:Издательство С.-Петербургского университета, 2001. 638 с.
2. Гершензон М.О. Николай I и его эпоха. М.: И.В. Захаров, 2001. 228 с.
3. Горяинов С.М. О тайном соглашении по делам Востока, состоявшемся в 1844 г. между Николаем I и великобританским правительством // Известия министерства иностранных дел. 1912. Кн. III. С. 201-233.
4. Дедков Н. Энциклопедий множество зеркал // Родина. 2013. № 3. С 122-127.
5. Жомини А. Роль и значение России в Европе перед Крымской войной // Наблюдатель. 1885. № 12. С 77-112.
6. Император Николай Павлович и его время // Русская старина. 1884. № 1. С 135-162.
7. Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2. С.192-210; 139-152.
8. Кюстин А. де. Россия в 1839 г. М.: Терра, 2000. 640 с.
9. Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты, литераторы, шпионы. СПб.:Гиперион СПб, 2006. 524 с.
10. Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. М.:Книга,1993. 400 с.
11. Покровский М.Н. Из истории русско-германских отношений // Голос минувшего. 1916. № 3. С. 5-47.

²⁴ Меттерних К. Николаю I. 2(14) марта 1848 г. Цит. по: Авербух Р. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938.Т. 4. С. 173.

²⁵ Паскевич И.Ф. Николаю I. 6 (18) марта 1848 г. С. 174.

12. Полиевктов М. Николай I. Биография и обзор царствования. М.:Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. 392 с.
13. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.:Книга, 1990. С. 101-127.
14. Ростовцев Е., Сосницкий Д. Уже не Палкин? // Родина. 2013. № 3. С. 128-130.
15. Татищев С.С. Император Николай I и иностранные дворы. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 1889. 459 с.
16. Татищев С.С. Император Николай в Лондоне // Исторический вестник. 1886.Т. XXIII. С. 531-613.
17. Феоктистов Е.М. Русская политика на Востоке перед Крымской войной // Русский вестник. 1868. № 1. С. 21-82.
18. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. Т. II. 820 с.
19. Шильдер Н.К. Император Николай и освобождение христианского Востока // Русская старина. 1892. № 10.Т. 76. С. 37-44.
20. Шиман В.М. Император Николай Павлович // Русский архив. 1902. № 3. С. 459-475.
21. Эдельман О. Грозный царь-отец // Родина. 2013. № 3. С. 97-101.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – д.и.н., ведущий научный сотрудник центра внешней политики России Института российской истории Российской академии наук. Москва, 117036, ул. Дм.Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

SUCCESSSES AND FAILURES OF FOREIGN POLICY OF NICHOLAS I (ACCORDING TO THE MEMORIES OF CONTEMPORARIES)

E.P. Kudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-7-24

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the successes and failures of Russian foreign policy during the reign of Nicholas I. The key sources of the research are memoires of people who were in close attendance on the Emperor, foreign diplomats, travelers and members of European royal families. They noted some traits of his personality, political views, commitment to order and military service. They left valuable remembrance about all important foreign-policy cases the Russian Emperor was involved in: Russo-Turkish War (1828–1829), contacts with the Balkan states, Eastern Question within the framework of the Russian role in the course of events of the Egyptian–Ottoman War (1832–1833); hostility against French Revolutions and contacts with the allied Prussia and the Austrian Empire.

These reminiscences make it possible to discover the attitude of Nicolas I to the European revolutions in the first half of 19th and illegitimate monarchs in Europe. They let us track the way the foreign policy influenced the Russian inner policy. The sources are very informative to explain the different steps of Russian foreign policy in the most important areas – in the Middle East, in Europe and in Turkey.

Key words: Nicholas I, foreign policy, international relations, diplomacy, Russia, European revolutions, Eastern question.

References

1. Vyskochkov L.V. *Imperator Nikolai I: che-lovekgiosudar'* [Emperor Nicholas I: a man and a sovereign]. Saint-Petersburg, St.Peterburg University Publ., 2001. 644 p. (In Russian).
2. Gershenzon M.O. *Nikolai I i ego epokha* [Nicholas I and his era]. Moscow, I.V. Zakharov Publ., 2001. 230 p. (In Russian).
3. Goriainov S.M. O tainomsoglasheniipodelamVostoka, sostoiavshemsia v 1844 g. mezhduNikolaem I ivelikobritanskimpravitel'stvom [On the secret agreement on the affairs of the East, held in 1844 between Nicholas I and the British government]. *Izvestiia ministerstva inostrannykh del* [News of the Ministry of Foreign Affairs]. 1912. Book III. Pp. 201 – 233. (In Russian).
4. Dedkov N. Entsiklopediiimnozhestvozerkal [Encyclopedias set of mirrors]. *Rodina*, 2013, no. 3, pp. 122-127. (In Russian).
5. Zhomini A. Rol' iznachenieRossii v EvropeperedKrymskoivoinoi [The Role and Importance of Russia in Europe in the Crimean War]. *Nabliudatel'*, 1885, no. 12, pp. 77–112. (In Russian).
6. Imperator Nikolai Pavlovichi ego vremia [Emperor Nikolai Pavlovich and his time]. *Russkaia starina* [Russian antiquity]. 1884. Vol. 41. Pp. 135-162. (In Russian).
7. Kiniapina N.S. Vneshniaia politika Nikolaia I [Foreign policy of Nicholas I]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2001, no. 1–2. Pp. 192-210; 139-152. (In Russian).
8. Kiustin A. *de. Rossiia v 1839 g.* [Russia in 1839]. Moscow, Terra Publ., 2000. 640 p. (In Russian).
9. Mil'china V.A. *Rossiiai Frantsiia. Diplomaty, literatory, shpiony* [Russia and France. Diplomats, writers, spies]. Saint-Petersburg, GiperionSPb Publ., 2006. 528 p. (In Russian).
10. Mironenko S.V. Nikolai I [Nicholas I]. *Rossiiskie samoderzhtsy* [Russian autocrats]. Moscow, Kniga Publ., 1993. 400 p. (In Russian).
11. Pokrovskii M.N. Iz istorii rusско-german-skikh otnoshenii [From the history of Russian-German relations]. *Golos minuvshago* [Voice of the past], 1916, no. 5-6, pp. 5-47. (In Russian).
12. Polievktov M. *Nikolai I. Biografiia i obzor tsarstvovaniia* [Nicholas I. Biography and review of the reign]. Moscow, M. I S. Sabel'nikovoykh Publ., 1918. 392 p. (In Russian).
13. Presniakov A.E. Nikolaevskaia Rossiia. Apogei samoderzhaviiia [Nicholas's Russia. Apogee of autocracy]. *Rossiiskie samoderzhtsy* [Russian autocrats]. Moscow, Kniga Publ., 1990. Pp. 101-127. (In Russian).
14. Rostovtsev E., Sosninskii D. Uzhe ne Palkin? Nikolai I v zerkale rossiiskoi istoricheskoi pamiatii [Is it not Palkin? Nicholas I in the mirror of Russian historical memory]. *Rodina*, 2013, no. 3, pp. 128-130. (In Russian).
15. Tatishchev S.S. Imperator Nikolai I i inostrannye dvory [Emperor Nicholas I and foreign courts]. Saint-Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodov, 1889. 485 p. (In Russian).
16. Tatishchev S.S. Imperator Nikolai v Londone [Emperor Nicholas in London]. *Istoricheskii vestnik*, 1885, Vol. 23. Pp. 531-613. (In Russian).
17. Feoktistov E.M. Russkaia politika na Vostoke pered Krymskoi voinoi [Russian policy in the East before the Crimean War]. *Russkii vestnik*, 1868, no. 1, pp. 21-82. (In Russian).
18. Shil'der N.K. *Imperator Nikolai I. Ego zhizn' itsarstvovanie* [Emperor Nicholas I. His life and reign]. Saint-Petersburg, Tip. A.S. Suvorin, 1903. Vol. II. 820 p. (In Russian).
19. Shil'der N.K. Imperator Nikolai iosvobozhdenie khristianskogo Vostoka [Emperor Nicholas and the liberation of the Christian East]. *Russkaia starina*, 1892, no. 10, vol.76, pp. 37-44. (In Russian).
20. Shiman V.M. Imperator Nikolai Pavlovich [Emperor Nikolai Pavlovich]. *Russkii arkhiv*, 1902, no. 3. Pp. 459-475. (In Russian).
21. Edel'man O. Groznyi tsar'-otets [The Terrible Tsar the Father]. *Rodina*, 2013, no. 3, pp. 97-101. (In Russian).

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of History, senior research fellow of the Centre for the studies of Russian foreign policy of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 11703, Moscow, ul. Dm.Ulianova, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.